

Методологическая линия: от структурализма к когнитивной среде

В этой книге используется язык, который может показаться эклектичным: он свободно соединяет лингвистику, социологию, экономику, институциональный анализ и элементы когнитивной науки. Однако за этим разнообразием стоит достаточно определённая методологическая линия, которая имеет свою историю и внутреннюю логику. Прояснение этой линии важно не только для понимания генезиса используемых здесь понятий, но и для оценки степени их новизны.

Отправной точкой этой линии можно считать тот методологический поворот, который был осуществлён Фердинандом де Соссюром. Его ключевая идея состояла не столько в открытии языка как системы, сколько в радикальном утверждении того, что объект исследования не предзадан, а конституируется самой аналитической позицией. Язык, в соссюрском смысле, существует не как набор элементов, а как сеть различий, причём сами элементы обретают определённую только внутри этой сети. Тем самым был зафиксирован принципиально важный тезис: целостность не складывается из частей, а, напротив, части выделяются внутри целостности.

Этот тезис оказался необычайно плодотворным, но в рамках классического структурализма он был реализован в весьма ограниченной области — прежде всего в анализе текстов и знаковых систем. Структурализм показал, как можно мыслить систему без апелляции к субъекту и без редукции к эмпирическим «фактам», однако он почти не продвинулся в сторону анализа тех сред, в которых такие системы укоренены и воспроизводятся.

В этом смысле чрезвычайно показательна фигура Александра Александровича Любищева. Его работы редко рассматриваются в одном ряду с структурализмом, однако с методологической точки зрения между ними существует глубокое родство. Любищев радикально переносит соссюрский принцип с объекта на саму деятельность исследователя. Его знаменитые системы учёта времени, классификации занятий и фиксации интеллектуальных усилий представляют собой не просто индивидуальную практику самоорганизации, а попытку удержать жизнь как расчленённую, но целостную систему различий.

Важно подчеркнуть, что Любищев не стремится описать внешний объект — общество, культуру или науку. Его объектом становится собственная когнитивная практика, рассматриваемая как непрерывно воспроизводимая структура. Тем самым он демонстрирует возможность существования когнитивной среды на индивидуальном уровне, но не делает следующего шага — перехода к анализу коллективных и институциональных форм.

Этот шаг был сделан в работах Сергея Викторовича Мейена. Его морфологическое мышление принципиально важно для настоящей книги, поскольку оно позволяет мыслить форму не как данность и не как результат произвольного конструирования, а как устойчивый эффект различительных процедур. В биологии Мейена объект не существует до описания, но и не сводится к описанию: он возникает как форма, стабилизированная в процессе различения и воспроизводства.

Здесь происходит принципиальный сдвиг: различие перестаёт быть исключительно аналитическим приёмом и становится источником реальности. Именно эта идея делает

возможным переход от анализа знаковых систем к анализу живых множественностей — таких форм коллективного существования, которые обладают внутренней связностью, способностью к воспроизводству и относительной автономией.

Работы Владимира Иосифовича Шрейдера добавляют к этому ещё одно измерение — рефлексию над языками описания. Шрейдер последовательно показывает, что разные языки анализа не сводимы друг к другу и не образуют единой иерархии. Каждый из них имеет свою область применимости и свои ограничения. Тем самым фиксируется принципиально важное обстоятельство: попытка построить универсальный метаязык неизбежно ведёт либо к редукции, либо к потере смысла.

В этом пункте становится ясно, что задача состоит не в создании «единой теории», а в разработке такого языка, который позволял бы удерживать разнородные формы без их насильственного сведения друг к другу.

Существенный шаг в этом направлении был сделан Симоном Гдальевичем Кордонским. Его работы часто воспринимаются как вклад в социологию или в анализ российского общества, однако в методологическом отношении они представляют собой продолжение и развитие описанной выше линии. Кордонский показывает, что социальные институты — государство, рынок, профессии — функционируют как устойчивые когнитивные сборки. Они не просто регулируют поведение, но формируют способы видения, интерпретации и различения социальной реальности.

Важнейшее здесь состоит в том, что когнитивная среда впервые становится коллективным и институционально закреплённым объектом анализа. Она воспроизводится независимо от отдельных индивидов, поддерживается процедурами, текстами и профессиональными практиками и задаёт границы возможного мышления и действия.

Настоящая книга продолжает эту линию, но делает ещё один шаг. Её задача состоит не в том, чтобы предложить очередную теорию общества или новую классификацию институтов, а в том, чтобы разработать язык, на котором можно говорить о принципиально разнородных формах когнитивной сборки — языках, рынках, профессиях, научных парадигмах, цивилизационных типах — как о различных способах организации живых множественностей.

В этом смысле понятие «когнитивной среды» фиксирует не объект в привычном смысле слова, а определённый ракурс анализа — взгляд изнутри таких множественностей, глазами включённых в них единичностей. Этот ракурс дополняет, но не отменяет внешнего взгляда, в котором те же самые формы могут выглядеть как безличные структуры или «амёбы», живущие по своим собственным законам.

Таким образом, используемый здесь язык не является произвольным изобретением. Он вырастает из вполне определённой методологической традиции, которая начинается со структуралистского отказа от предзаданного объекта, проходит через индивидуальные и морфогенетические формы анализа и выходит на уровень институциональных и цивилизационных когнитивных сред. Новизна предлагаемого подхода состоит не в заимствовании отдельных понятий, а в попытке удержать эту линию целиком и сделать её рабочим инструментом анализа.